

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И РИТУАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОРНАМЕНТЕ АМУРСКИХ НАНАЙЦЕВ

Статья посвящена семантике современного орнамента амурских нанайцев. Исследование основано на материалах, собранных автором в ходе экспедиции 2021 г. в Нанайский и Хабаровский районы Хабаровского края. Используя комплекс методов – кросс-культурный, семиотический и иконографический, автор демонстрирует развитие образов и мотивов в орнаменте, сохранение традиций и их трансформацию. В современном орнаментальном творчестве нанайцев сохраняются значимые знаково-символические образы традиционной культуры, такие как родовое древо, мифологический брак женщины и зверя, змее-дракон, шаманские духи-помощники и т.д.

Ключевые слова: нанайцы, орнамент, семантика, символы, мифология, шаманизм

The reflection of mythology and rituals in the modern ornaments of the Amur Nanais. TATYANA Yu. SEM (Russian Museum of Ethnography)

The article is devoted to the semantics of the modern ornaments of the Amur Nanais. The study is build around the materials collected by the author during the 2021 expedition to the Nanaysky and Khabarovsk districts of Khabarovsk Krai. Using cross-cultural, semiotic and iconographic methods, the author demonstrates the development of images and motifs in the ornaments, the preservation of traditions and their transformation. The modern ornaments of the Nanai people present significant iconic and symbolic images of traditional culture such as family tree, mythological human–animal marriage, dragon snake, shaman’s spirit helpers, etc.

Keywords: Nanai people, ornament, semantics, symbols, mythology, shamanism

Введение

Изучение современного состояния орнаментального искусства нанайцев как одной из форм трансляции исторической памяти, раскрывающей этнокультурную идентичность этноса, является актуальной задачей современной этнографии. Именно в орнаменте сохраняются мифологические архетипы традиционного мировоззрения. Будучи направленным на восстановление орнаментальных традиций этноса,

данное исследование представляет собой актуальный пример взаимосвязи науки и общества в деле сохранения и развития этнических традиций в эпоху глобализации.

Орнаментальное творчество – это символическо-знаковое чувственное восприятие действительности и его интерпретация в коллективном сознании этнического общества. Через различные образы орнамента воспроизводятся символы культуры, транслируясь из поколения в поколение.

* Сем Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея.

E-mail: semturem@mail.ru

© Сем Т.Ю., 2023

Изучением нанайского орнамента занимались многие известные ученые: Б. Лауфер, С.В. Иванов, Н.В. Кочешков, П.Я. Гонтмахер, Л.П. Тарвид, С.В. Березницкий и др. В некоторых ранних исследованиях обращалось внимание на то, что нанайская культура является эпицентром орнаментики на Амуре [11; 38]. Вероятно, это предположение было сделано в связи с высокой степенью изученности орнамента нанайцев в сравнении с другими амурскими народами, большей численностью данного этноса, его особым географическим, геополитическим и геокультурным положением на Амуре.

В трудах по декоративно-прикладному искусству нанайцев отмечаются основные черты и особенности их орнаментального творчества [8; 10; 11; 12; 24, с. 56–70; 25, с. 41–50; 31]. Еще И.А. Лопатин писал о высокой степени развития искусства у гольдов, в чем проявилась «любовь к красоте, любовь к творчеству, вымыслу, поэзии» [14, с. 331]. Л.Я. Штернберг заметил интересную закономерность развития нанайского орнамента: его распространение за пределы проживания данного этноса. Он писал: «Через посредство нивхов изделия нанайских мастериц попадали на Сахалин к орокам» [34, с. 469]. О высокой художественности предметов культуры народов Амура, характеризующихся богатством декоративных форм и ярким колоритом, писал в своем капитальном труде С.В. Иванов [11, с. 317, 333]. Он отмечал глубокую древность и ярко выраженное своеобразие, местные истоки амурского орнамента [11, с. 424]. П.Я. Гонтмахер, изучая орнамент нанайцев, следующим образом охарактеризовал его культурные особенности: «...Он был тем духовным началом, с помощью которого люди стали передавать свои мысли, производственный и эстетический опыт. ... Орнамент для нанайцев – это своеобразная модель гармонии мира, в которой условным языком выражены их мысли, мечты, понятия о гармонии природы» [8, с. 166–167]. С.В. Березницкий исследовал современное декоративно-прикладное искусство народов Амура как компонент этнокультурной идентичности, его трансформацию в условиях киберпространства, влияние мировых религий на традиционный художественный канон, а также сущность энергетики орнамента [5; 6; 36].

Классифицируя мотивы нанайского орнамента, Б. Лауфер выделил следующие разновидности: ленточный, спиральный, спирально-ленточный, циркульный, петушиный,

рыбий, драконовидный, олений, орнамент частей животных, растительный [38]. Исследователь обратил внимание на то, что в нанайском традиционном орнаменте отсутствуют изображения человеческих лиц и форм [38, р. 7]. Тем не менее, несколько ранее, в середине XIX в., Л.И. Шренк отмечал наличие человеческих лиц в орнаменте нивхов. Он считал их магическим оберегом от злых духов [33, т. 2, с. 91–92].

С.В. Иванов приводит несколько иную классификацию нанайского орнамента: растительный, зооморфный (дракон, рыба, птица), облаковидный, геометрический. Он, как и Б. Лауфер, исключал наличие в нанайском орнаменте антропоморфных образов [11, с. 381]. Интересно, что П.Я. Гонтмахер выделил в нанайском орнаменте сложные композиции, переходящие из одного в другой образы дево-птицы-рыбы или дево-дракона-медведя в древе жизни [8, с. 169]. То есть он признавал наличие зооморфно-растительно-антропоморфных элементов в орнаменте нанайцев, но не рассматривал их подробно. Т.Ю. Сем в специальной статье о семантике нанайского орнамента писала о сохранении антропоморфных образов в криволинейном орнаменте нанайцев на традиционных и современных образцах свадебной и праздничной одежды из фондов Российского этнографического музея (РЭМ). Реконструировав семантику нанайских орнаментов на свадебной и праздничной одежде, исследователь предположила, что они представляли собой образы верховных божеств плодородия, хозяев растительного мира. Эти мужские и женские образы переплетались с древом жизни и мордами тотемных животных (тигра, медведя, дракона, оленя) [26, с. 210–216]. Выводы автора находят подтверждение в художественных работах известной народной мастерицы Л. Пассар, которые хранятся в фондах РЭМ. Она изобразила на своих картинах родовое древо и образы животных-предков. Л. Пассар также записала родовые легенды о происхождении нанайских родов от животных: рода Ходжер – от водного дракона Пуймура, рода Оненко – от изюбря Боган, рода Самар – от коршуна Пичуэн, рода Актанка и Бельды – от тигра, рода Пассар – от солнечного змея Мудура [17].

Исследования начала XXI в. по традиционному орнаментальному творчеству народов Амура и Сахалина (эвенков-орочонов, нанайцев, уильта, удэгейцев) показали, что мотивы традиционного орнамента связаны с мифоло-

гией, космогонией, ритуалами, шаманизмом и разделяются на геометрические и криволинейные, включая зооморфные, растительные и антропоморфные элементы [20; 21; 26]. Целью настоящей работы является выявление сюжетов и мотивов современного орнамента нанайцев Амура в рамках традиционного мировоззрения. В своем исследовании мы стремимся показать развитие образов и мотивов, сохранение традиций и их трансформацию. Исследование основано на применении комплекса методов – кросс-культурного, семиотического и иконографического.

Источником для написания настоящей статьи послужили материалы экспедиционной поездки автора в июне 2021 г. в Хабаровский край к амурским нанайцам сел Троицкое, Джари, Найхин, Даерга, Нижняя Манома и Сикачи-Алян. В результате данной экспедиции были собраны многочисленные ценные сведения о материальной и духовной культуре нанайцев, включая традиции, связанные с шаманизмом, мировоззрением, одеждой, орнаментом и пр. Иллюстративный материал был получен от местных мастериц, а также найден в коллекциях местных музеев и национальных центров сел Троицкое, Джари, Найхин, Сикачи-Алян, что позволило создать репрезентативную источниковую базу по орнаменту современных нанайцев.

Семиотика современного нанайского орнамента

Изучение материалов, собранных в ходе экспедиции 2021 г., показало, что в своем современном орнаментальном творчестве нанайцы в определенной степени продолжают традиции предков. Мастерицы используют в работах старые лекала и образцы, полученные от своих мам и бабушек трафареты орнаментов, которые воспринимаются современными нанайскими мастерами как канонические. Однако мотивы орнамента воспроизводятся механически, как дань традиции: к сожалению, знание символики и семантики орнаментов сегодня в значительной степени утрачено. Только некоторые нанайские мастерицы интересуются их значением. Наиболее часто им удается распознать образы родового древа, тотемных животных. Антропоморфные мотивы и сюжеты распознаются реже и уже не ассоциируются с божествами. Сюжетные композиции, связанные с ритуалами, уже не прочитываются

современными нанайскими мастерицами, хотя еще в середине XX в. и вплоть до начала 1990-х гг. семантика антропоморфных изображений связывалась с божествами-прародителями и шаманскими образами. Информация об этом, относящаяся к 1950–1970 гг., имеется в личном архиве Л.И. Сем. Она писала, что в орнаментах, по сведениям нанайских мастериц из с. Найхин, имеются изображения богини-прародительницы Омози мама или Майдя мама и божества-прародителя Мергена или Ерха мергена. И.А. Росугбу и А.А. Чадаева в 1980-х – 1990-х гг. в работах о куклах нанайцев и ульчей писали о восприятии куклы как образа богини плодородия, связанного с культом женских предков, что подтверждается общностью орнаментальных изображений на одежде нанайских кукол и на свадебно-праздничной одежде [16; 18; 32, с. 39, 52].

Согласно нашим полевым исследованиям, современные орнаменты нанайцев включают зооморфные образы (птиц, парнокопытных, хищных зверей, пресмыкающихся, земноводных, рыб и насекомых), растительные мотивы, изображения антропоморфных фигур и шаманские мотивы. Орнаментальное творчество современных нанайцев Нижнего Амура отражает художественное восприятие коллективным сознанием народа природы и человека, животного и растительного мира, а также шаманской практики.

Зооморфные образы

Наиболее распространенными зооморфными образами современного нанайского орнамента являются изображения птиц, парнокопытных, хищников и пресмыкающихся.

Птицы. Среди изображений птиц в современном орнаменте нанайцев встречаются образы филина, орла, водоплавающей птицы, лебедя, кукушки, утки. Наиболее часто на одежде имеются изображения профиля водоплавающей птицы с рыбками или зародышами. У этой птицы обозначен хохолок, крылья и перья завитками и спиральями. В теле птицы иногда изображаются зародыши в форме запятой типа восточноазиатских бусин-магатама, которые изображают души детей. В таком изображении водоплавающая птица с зародышами символизировала подательницу душ людей с родового небесного древа жизни, хозяйкой которого являлась богиня-прародительница Омсон мама или Майдя мама. Также на теле птицы часто

изображали S-образные завитки или спирали. Интересно, что спираль была связана с мифическим образом скручивания женским первопредком Мамельди вод океана и их последующим превращением в землю (Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, далее – НА МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62. Л. 48). В подобном изображении водоплавающей птицы заметна связь с мифом о птице, ныряющей в воды первоизданного океана за землей. Образ птицы традиционно был парным. В этнической культуре народов Дальнего Востока он часто встречается на шаманской одежде нанайцев и негидальцев.

В композиции с парой водоплавающих птиц в центре изображался орел с распростертыми крыльями, его голова обозначалась овалом и двумя спиралями завитков, крылья – овалами с растительным спиральным орнаментом на них, хвост – овалами и завитками. Такой образ орла сопоставим с изображением птицы грома *кōри* на шаманском бубне уильта Сахалина (РЭМ, кол. 2079-2а); [29, с. 389]. Он также коррелирует с изображением орла у алеутов, имевшим мифологическую связь с хозяйкой охоты на морских и сухопутных животных.

Довольно часто в современном орнаменте на одежде и коврах нанайцев встречается образ филина. Он имеет глаза-спирали, контур головы оформлен в виде трехчастной вьющейся линии с ушками вверху, нос обозначен угольником, низ личины оформлен двумя фигурными линиями. На образце орнамента на ковре филин изображен рядом с антропоморфными фигурами мужчин и встроено в спирально-растительный орнамент. Его голова имеет сердцевидную форму, глаза – форму спирали, нос – угольник, брови – в форме рогатины, уши изображены как S-образные завитки. В данной композиции мужчина стоит верхом на голове филина, что демонстрирует подчиненное положение птицы как духа-помощника. Образ филина встречается на шаманской ритуальной скульптуре эвенков и удэгейцев, у которых он символизировал ясновидящую птицу, духа-помощника шамана. Этот образ также часто встречался в орнаментальном искусстве айнов и уильта Сахалина, которые идентифицировали птицу в качестве своего предка [16, с. 103; 21, с. 147–148].

Интересно вышитое изображение белых лебедей в профиль на свадебном женском халате. На спине халата также имеются сдвоенные изображения лебедей. В теле птиц изображены

спиралевидные завитки. Образ лебедя в нанайской мифологии также связан с творением мира [38, р. 749–750].

На газетнице мастерицы В.В. Дубовиковой-Бельды из с. Троицкое вышита бисером кукушка в реалистическом стиле. Ниже помещен узор с мифологической композицией о браке женщины и тигра. Представляется, что кукушка выступает на данном изображении в роли рассказчицы этого мифа.

На поле одного свадебного халата, выполненного по традиционным канонам, мастерица вышила синими нитками уток в профиль с хохолками на голове, спиралями на крыльях и хвосте, с чешуей на теле. Здесь приемы изображения птицы, очевидно, подверглись русскому влиянию.

Наряду с образами птиц, связанных с мифологическими сюжетами, в современном орнаменте нанайцев встречается образ мифической шаманской птицы *кōри* с расправленными крыльями. Этот образ в фольклоре нанайцев ассоциировался с орлом. Его семантика двояка: с одной стороны, тень от птицы, упавшая на человека, приносила ему счастье, с другой стороны, эта птица ассоциировалась со злом и смертью, верхом на ней шаман возвращался из мира мертвых бун. *Кōри* – железная, хищная птица, образ духа, находящегося на границе среднего и нижнего мира, помощник шамана [29, с. 415].

Парнокопытные. На коврах и халатах современных нанайцев имеются изображения фигур изюбров или оленей, часто с повернутой назад головой, встречаются также распластанные фигуры оленя. На женском праздничном халате из рыбьей кожи мастерицы В.В. Бельды (Рис. 1) изображена целая композиция, в которой присутствует изображение оленя в криволинейном стиле рядом с родовыми деревьями. На детском халате из рыбьей кожи изображена распластанная шкура оленя с копытами-цветами или трилистниками, от которого по сторонам отходят изображения зародышей. Вероятно, с этим образом связан персонаж верховного пантеона – космическая лосиха, богиня вселенной и душ детей и зверей, известная в ороческой, нанайской и эвенкийской мифологии [2, с. 30; 3, с. 23, 83; 7, с. 184; 22, с. 166–168]. На одной из картин мастерицы Е.А. Киле, называемой «Мой мир», изображены листочки дерева с различными сюжетами, на одном из них помещен изюбрь с повернутой головой, вся фигура которого состоит из завитков.

*Рис. 1. Халат с изображением водоплавающих птиц, змей, оленей и деревьев. Рыбья кожа.
Работа В.В. Бельды, с. Джари, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем*

Хищные звери. Наиболее часто на одежде и ковриках нанайских мастериц изображаются фигуры и морды хищных животных – тигра (Рис. 2), медведя, волка. Большинство сюжетов с образами тигров и медведей связаны с нанайской мифологией.

На халате, сшитом А.К. Бельды (с. Даерга), в фигуру женщины вписана морда тигра. Глаза выполнены спиральными завитками, пасть зверя скобообразная. Эта композиция осознана как отражение тотемического мифа о родстве зверя и человека. На газетнице в доме мастерицы имеется белая аппликация морды тигра с глазами в виде спиралей, лба в виде галочки, носа в виде трилистника и пасти, выполненной как полуовал с растительно-спиральными ответвлениями. Фигура расположена рядом с двумя женскими изображениями. Эта композиция также иллюстрирует миф о браке женщины и тигра. В школьном музее с. Найхин имеется ковер 1950-х гг., композиция которого включает центральную ячейку и окружающие ее изображения. В центре расположена морда тигра, вписанная в квадрат. Глаза животного обозначены двумя спиралями, уши и лоб изображены в форме скобы и овалов, пасть – в виде овала с ромбом в центре, нос сердцевидный. На щеках – овальные завитки, изображающие когти зверя. По бокам расположены фигуры птиц с зародышами и женские фигуры прародительниц, что также, очевидно, говорит о связи с тотемным мифом.

На вороте распашного халата из парчи работы В.В. Дубовиковой-Бельды помещена морда тигра со спиралями глаз, сердцевидным носом, скобой с ушками сверху и треугольной пастью с растительными элементами. Образ тигра в данной трактовке изображает зверя как предка рода [1, с. 235; 14, с. 208; 27, с. 79; 30, с. 90]. На спинке свадебного халата мастерицы З.Н. Бельды из фондов музея с. Троицкое имеется изображение двух тигров под родовым деревом. На другом свадебном халате той же мастерицы над разрезом внизу спинки имеется личина тигра в растительно-спиральном оформлении. На квадратном коврике из культурного центра с. Сикачи-Алян изображена розетка из четырех мужских фигур, по сторонам от которой помещен орнамент в виде тигриных морд.

Наиболее часто в орнаментальных сюжетах современные нанайские мастерицы использовали изображение «личиной» медведя. Так, морда медведя изображена на вороте халата мастери-

цы А.К. Бельды (с. Даерга): глаза зверя показаны в виде сдвоенной спирали, нос – в виде овала, нижняя челюсть – в виде фигурной скобки, верхний контур образован галочкой и овальными ушками. На одном образце орнамента из рыбьей кожи мастерица В.В. Бельды (с. Джари) выполнила образ стоящего на задних лапах медведя с криволинейно-спиральным орнаментом в теле, по форме напоминающий медведя из русских сказок и мультипликации. Шаблон орнамента из бересты В.В. Дубовиковой-Бельды изображал голову медведя с криволинейно-растительным орнаментом и завитками внутри. На вороте халата из Центра нанайской культуры с. Джари изображена морда медведя, глаза которого образованы двумя спиралями, нос – двумя завитками. В фондах музея с. Троицкое имеется нарукавник работы З.Н. Бельды, который сшит из черной ткани и украшен узором в виде вытянутой морды медведя, вышитым цветными шелковыми нитками. Это изображение типично для рисунков красками по ровдужным халатам (у нанайцев в конце XIX в.) и по рыбьей коже (у удэгейцев и орочей). Медведь здесь рассматривается как предок людей, в то же время он мог восприниматься в качестве хозяина тайги, а тигр – в качестве хозяина гор, при этом оба связаны с представлениями о душах людей и зверей [2, с. 35; 7, с. 207, 215]. Фигура медведя в полусидящей позе, выполненная на картине из культурного центра с. Сикачи-Алян, состоит из спиралей и завитков и расположена между двумя деревьями. Согласно шаманской мифологии, медведь Дуэнтэ считался хозяином дерева жизни и обитал в его корнях (НА МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 6. Л. 1–4, 33–34). На костяном магическом кольце удачливого охотника тигр, медведь и рыба изображены как символы трех миров [28, с. 35–36].

Образ волка в современном орнаменте нанайцев встречается реже, но играет в мировоззрении представителей этого народа важную роль. Изображение волчьей морды встречается на панно и газетнице: голова и нос – в виде трилистника, скулы – в виде двойной спирали, уши – в виде цветков и пасть – в виде фигурной скобы. Морда волка встречается в композиции рядом с образом женщины-прародительницы, что служит иллюстрацией мифа о браке человека с волком. Таким образом, волк, как тигр и медведь, предстает как предок человеческого рода [27, с. 107]. Встречается и отдельное изображение морды волка на клапане панно

Рис. 2. Изображение тигриной морды на ковре. Аппликация на ткани.
Школьный музей с. Даерга, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

(глаза-спирали, острые уши, нос в форме двулистника). Возможно, такое изображение волка связано с одной из ипостасей божества плодородия Ерха мергена, часто называемого в нанайском фольклоре «собачий сын», «огненный пес», «красный волк» [22, с. 329, 360, 347–358].

Среди вещей мастерицы В.В. Дубовиковой-Бельды имеется панно с фигурой лисы в криволинейно-реалистическом виде. Образ лисы широко распространен в бытовых сказках нанайцев о животных; это животное также рассматривается в качестве духа-помощника шамана [7, с. 129–130; 19, с. 40–41, 137, 142, 170].

Пресмыкающиеся. Нередко на изделиях нанайских мастериц можно встретить изображения пресмыкающихся – змей и мифологических драконов, черепах и ящериц.

Образу дракона (Рис. 3) отводится важная роль в орнаментальном творчестве современных амурских нанайцев. Его изображали на свадебной и праздничной одежде из шелка, ткани и рыбьей кожи, а также на коврах и картинах. У мастерицы С.З. Ходжер из с. Нижняя Манома образ дракона воплощен в образце аппликации и вышивки разноцветными шелковыми нитками. Дракон, по ее рассказам, считался предком рода и оберегом семьи. Интересно, что изображение дракона было выполнено ее бабушкой на ковре, который впоследствии достался внучке. Однако С.З. Ходжер передала его в музей, после чего заболела. Тогда ей приснился сон, в котором ее бабушка велела по старым образцам орнамента восстановить ковер и хранить его у себя как оберег. Ковер с изображением дракона должен был защищать от воздействия злых духов. Когда мастерица сделала это, она выздоровела: по ее мнению, дракон помог.

В музее с. Найхин хранится ковер с изображением женщины-прародительницы и морды тигра в центре, над которыми расположена фигура дракона как символа добра и счастья. На образце орнамента из Центра нанайской культуры с. Джари, выполненном из рыбьей кожи мастерицей В.В. Бельды, изображен S-образный трехлапый дракон с чешуей на теле. На выставке в Центре нанайской культуры с. Джари был представлен детский нагрудник с вышитыми парами водоплавающих птиц и змей с растительными элементами на хвостах. Эти персонажи связаны с мифом о доставании земли птицами и ее поддержании змеями или с мифом о творении земли из змей. По данным

Н.А. и А.Н. Липских, в космогоническом мифе нанайцев говорится о том, что богиня-прародительница Мамельди сотворила землю из девяти ручьев-змей (НА МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62. Л. 48).

В фондах музея с. Троицкое хранится работа народной мастерицы З.Н. Бельды, представляющая собой праздничный левополюый женский халат, сшитый из белой ткани и украшенный орнаментом по плечам, верху рукавов и спинке. Орнамент выполнен в технике аппликации и представляет собой S-образные фигуры драконов. На спинке халата, ниже этих фигур, также изображены парные вытянутые фигуры драконов. Изображения драконов на этом изделии имели магический смысл и были призваны служить оберегами, дающими женщине счастье и благополучие. Среди картин Е.А. Киле из фондов музея с. Троицкое имелось изображение трех солнц и парных фигур драконов, выполненное в технике ажурной аппликации. Это изображение служит иллюстрацией мифа о трех солнцах, который имел широкое бытование у народов Амура и особое разнообразие вариантов которого отмечается у нанайцев. Сочетание образов солнца и дракона на картине отражает их прямую связь: образ солнечного змее-дракона, творца мира, известен в мифологии и представлениях эвенков, нивхов, нанайцев и айнов [33, т. 2, рис. 26; 37, р. 17].

У нанайцев традиционный орнамент, изображающий свернутого в спираль змея или дракона, выполнялся из бересты и помещался на ритуальных ковриках и утвари. Вероятно, с этим образом был связан какой-то ранний миф, который не был зафиксирован исследователями, но память о котором сохранилась в верованиях и искусстве народа. В космогоническом мифе айнов этот образ сохранился в виде двух первопредков, мужского и женского божества, изображаемых в виде двух змей [37, р. 17].

Черепаша работы мастерицы В.В. Бельды (с. Джари) выполнена из рыбьей кожи в технике ажурной аппликации. В тело черепахи помещен цветок, лапы оформлены в виде растительных завитков, голова – в виде овала с цветком внутри. Ритуальная скульптура черепахи из дерева использовалась у нанайцев в лечебной шаманской практике как символ земли и, как считалось, помогала от женских болезней. В долине р. Девятки имеется священная гора, которая ассоциировалась с образами мирового

*Рис. 3. Изображение дракона. Аппликация на ткани.
Работа С.З. Ходжер, с. Нижняя Манома, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем*

змея-дракона и черепахи – творцов мира, олицетворявших в мифологии нанайцев и других восточноазиатских народов верх и низ вселенной, мужское и женское начала природы, небо и землю, зиму и лето [9, с. 49, 146; 13, с. 6; 35, с. 110–111].

Изредка в орнаменте нанайских мастериц встречается изображение ящерицы как символа связи с потусторонним миром. В то же время это существо символизирует движение и жизненность, а также нижний мир: на свадебной одежде оно изображалось у корней родового дерева [4, с. 181; 12, с. 18; 32].

Земноводные. Изображения лягушки, символизовавшей связь с подземным миром, также чаще всего помещалось в корнях родового древа. На халате мастерицы В.В. Дубовиковой-Бельды (с. Троицкое) имеется композиция, включающая мужскую и женскую фигуры и лягушку. Эта композиция иллюстрирует мифологический сюжет о браке мужчины с лягушкой и девушкой. Голова лягушки изображена в виде сердцевидной фигуры, глаза – в виде спиралей, конечности – в виде двух завитков. Такая фигура лягушки часто встречается на орнаментах нанайских халатов конца XIX в. Известна и другая традиция изображения лягушки – с круглым туловищем, лапами в виде завитков и круглой головой, типичная для орнаментов, украшавших свадебную одежду. На халате современной мастерицы из с. Джари лягушка изображена между двумя драконами. В этом сочетании она, как и черепаха, символизирует землю, в то время как драконы – небо.

На халате из рыбьей кожи, сшитом В.В. Бельды, изображены рыбки, родовое древо, лягушка и олени. В этой композиции образ лягушки маркирует нижний мир. На панно той же мастерицы имеется вышитое изображение лягушки с личиной человека на теле. Здесь лягушка, возможно, предстает как средство передвижения между мирами для героя сказки. Обычно лягушка в представлениях нанайцев была связана с жизненностью, ее изображение одухотворяло объекты, поэтому ее, например, могли вырезать на рыболовном грузиле. Известны также лечебные фигурки в виде лягушек, изображавшие духов-помощников шамана. Аналогичные представления существовали и у удэгейцев. По данным Л.И. Шренка, фигурка лягушки, вырезанная из бересты, во время медвежьего праздника у нивхов накладывалась на нос медведя, в котором, как считалось, заключается его душа

[33, т. 3, с. 86]. Лечебная фигурка лягушки, вырезанная из дерева, нашивалась нивхами на одежду больного или надевалась в виде амулета на шею. В шаманском лечебном комплексе нанайцев лягушка, как и черепаха, отвечала за чадородие и женское здоровье [13, с. 96–97]. Лягушка в мифологии эвенков – участник творения мира [15, с. 19–20], а на петроглифах Нижнего Амура хозяйка вселенной Мамельди из космогонического мифа нанайцев изображена с глазами и ртом лягушки [22, с. 322]. В современных представлениях нанайцев лягушка связывается с богатством, промысловой удачей, здоровьем людей.

Рыбы. В нанайских орнаментах изредка встречаются образы рыб. Например, на одном из образцов аппликации для украшения халата рыбка изображена со спиральным хвостом и чешуей на теле. Часто с рыбой во рту изображаются водоплавающие птицы. Вероятно, символика рыб является отражением традиций ведения хозяйства и связана с рыболовством. Кроме того, некоторые виды рыб (кета, нерка) служат символами родства с аборигенными народами Амура (прежде всего – нивхами). Так, у восточных эвенков существует предание, согласно которому эпический герой-первопредок на востоке устанавливает традицию взаимных браков с племенем рыболовов и сам женится на девушке-нерке.

Насекомые. Из насекомых в современном орнаменте амурских нанайцев популярен образ бабочки. Мастерица Е.А. Киле на одном из своих триптихов в средней части изобразила бабочку со звездочкой как символ души человека. На образце орнамента из культурного центра с. Сикачи-Алян изображена фигура мужчины, стоящего на голове филина, а ниже – две птицы и две бабочки. Интересно, что у низовских нанайцев и ульчей имелись детские коврики с орнаментом в виде ажурных розеток, в которых расположены четыре бабочки [10, с. 327–328]. Их изображения связывались с представлениями о развитии души человека и бессмертии. По этой же причине у удэгейцев на гробе шаманки помещено изображение бабочек [23, с. 141].

Растительные образы

Наряду с изображениями животных в орнаментике современных нанайцев присутствуют и растительные образы. Чаще всего это родовое древо, а также спирально-растительные и цветочные элементы в оформлении различных

композиций орнамента. Спирально-растительные мотивы представляют выюнок из трилистников или двулистников, а также цветочные розетки. Исходно спиралевидный стиль орнамента использовался аборигенами Дальнего Востока, предками нивхов и айнов, от которых он проник в культуру тунгусов [11, с. 396–397].

Изображение родового древа чаще всего встречалось на свадебных халатах конца XIX в. Этот символ сохранился и в современном орнаментальном творчестве нанайцев. Наряду с одеждой образ родового древа теперь помещается и на коврах, и на берестяных картинах.

На картине из бересты, представленной в Центре нанайской культуры с. Джари (Рис. 4), такое древо изображено как пространство, включающее нанайские селения. В современного решения основу родового древа образует традиционное изображение дерева с волнистыми ветвями, по сторонам от которого расположены парные зооморфные образы. В располагающиеся на ветвях круги вписаны первые буквы названий нанайских селений, в том числе: ВН – Верхний Нерген, ВЭ – Верхняя Эконь, ДЖ – Джари, СА – Сикачи-Алян. На стволе вырезано слово «Мангбо», означающее название реки Амур. Таким образом, в современной трактовке родовое древо превратилось в топографическую карту народа.

На спинке свадебного халата из Центра нанайской культуры с. Джари, сшитого из китайского шелка с изображением кругов и драконов, вышито три родовых древа: большое в центре и два маленьких по бокам. На их ветвях помещены изображения птиц, а внизу – два оленя. Интересно, что на маленьких деревьях изображены мифические птице-змеи Бучу.

Часто спирально-растительные и цветочные элементы используются на картинах как обрамление для основной композиции. Они символизируют жизненность, рождение, развитие, цветение и связаны с культом плодородия (Полевые материалы автор, с. Джари, 2021 г.).

Антропоморфные образы

Рассмотренные выше образы животных и растений в современном нанайском орнаменте встречаются, как правило, в сочетании с антропоморфными образами, причем в соотношении с другими образами антропоморфные занимают лидирующую позицию. Их композиции включают мужские и женские фигуры, расположенные в круг или в ряд, по четыре или восемь.

Одинарные фигуры встречаются реже. Антропоморфные изображения можно встретить на одежде, настенных ковриках, подстилках для табуретов и т.д.

Мужские фигуры изображаются в различной стилистике и символизируют чаще всего пляшущих человечков. Они представляются в виде Х-образных фигур или как сочетание двух спиралей рук и завитков ног, торс обычно с широкими плечами, треугольный. Иногда головы обозначаются кругом или овалом без черт лица или с трилистником внутри, маркирующим глаза и нос. Зачастую в одиночную мужскую фигуру бываю вписаны головы птиц (филин) или морды животных (тигр, медведь, дракон). Такого рода мужские фигуры чаще всего изображают шаманское божество плодородия, посредника между мирами. Его подчеркнутый фаллос призван символизировать плодотворность рода.

В орнаментальных композициях встречается сочетание мужских и женских фигур: они соединены в ряд или по кругу, как бы танцующими хоровод. Обычно круговой танец изображается вокруг цветка, символа огня и солнца. Этот сюжет распространен в орнаментах на одежде и берестяной утвари у многих тунгусо-маньчжурских народов – эвенков-орочонов, уильта Сахалина и нанайцев [21, с. 144–163]. Он служит отражением культа солнца и связанного с ним кругового коллективного танца-ритуала, исполняемого на календарных праздниках типа Икэнипкэ эвенков или Уунди нанайцев, удэгейцев и других народов Амура [22, с. 219]. Судя по рисунку Л.И. Шренка, круговые зимние танцы были также известны у нивхов [33, т. 2, табл. 11].

Женские образы в нанайском орнаменте чаще всего изображались путем соединения двух S-образных фигур без головы либо с овальной головой (Рис. 5). Тело могло быть обозначено ромбом. Такие фигуры символизировали женщину-прародительницу, богиню плодородия Омсон мама или Майдя мама. Голова у женских фигур также могла иметь форму сердца либо трилистника. Иногда на изображении двумя кружками маркировалась грудь. Редко женская фигура обозначалась Х-образно, как мужская фигура, т.е. как человек. Другие типы женских изображений ассоциировались с роженицами: обычно между ног у них помещалась фигурка человечка-ребенка. Часто женские фигуры сопровождались изображениями зародышей или

Рис. 4. Картина с изображением родового дерева – топографической карты района. Береста. с. Джари, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

Рис. 5. Изображение женщины-прародительницы из триптиха о рождении человека. Аппликация на ткани.
Работа В. Дубовиковой-Бельды, с. Троицкое, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

птиц – символов душ детей, как бы подчеркивая силу плодородия. Имеются изображения женщин-прародительниц, вписанные в родовые деревья. Нередко в саму фигуру женщины-прародительницы могла быть вписана морда зверя, например, волка, тигра, дракона или медведя. Такие изображения иллюстрируют миф о браке женщины с животным, воспринимаемым как родовой предок.

Зачастую мужские и женские фигуры обрамлялись изображениями спирально-растительного орнамента и зародышей, подчеркивая их принадлежность к божествам плодородия и растительности. Интересно, что, согласно шаманскому мифу эвенков, именно дух леса Тегомар дал первоначально первый шаманский атрибут, бубен, и научил его камлать (Архив Российского этнографического музея. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 48, 135).

Особую категорию образов в орнаменте современных амурских нанайцев составляют всевозможные шаманские изображения, которые пользовались популярностью в традиционной культуре и обретают новые воплощения сегодня. Их можно видеть на халатах, коврах, картинах и других изделиях. Так, антропоморфные фигуры с двумя головами, возможно, были связаны с шаманскими предками, которые у некоторых тунгусских народов (например, эвенков) изображались с двумя головами либо с одной головой, разделенной на две половины – светлую и темную. Подобным же образом выглядели у нанайцев и орочей деревянные идола шаманских духов-помощников. А эвенки шили из ровдуги подвеску к шаманскому кафтану в виде двухголового человечка – символа предка шамана (РЭМ, кол. 2245-118). Среди современных нанайских изделий Центра нанайской культуры с. Джари имеется нагрудник с изображением крупной антропоморфной личины, половина лица которой выполнена из светлой рыбьей кожи, а другая – из темной (Рис. 6). Подобная дихотомия на шаманских предметах и образах символизировала мифологическую оппозицию людей и духов. Возможно, так изображался предок шамана, известный по космогоническому мифу народов Амура как стрелок в три солнца и воспроизводимый по форме петроглифов Сикачи-Аляна.

Особое место среди современных шаманских изображений в орнаменте отводится личинам духов, причем на халатах их изображения размещаются на воротах, левой доле. Личины

духов с глазами в виде спиралей изображались на лепестках цветков, с зародышами, фигурами человечков, птиц, драконов, мифической птицей кбри. На халате из ткани черного цвета шаманки Н.Д. Заксор (с. Джари) по вороту и левой доле вышита цветными нитками личина духа с ярко-красными круглыми глазами, зловеще смотрящими на людей и охраняющими шаманку от злых духов. По-видимому, эти личины символизировали шаманских духов-помощников. На левой доле халата работы мастерицы Т.В. Бельды из с. Джари изображена двуглавая женщина-роженица, в которую вписана личина духа. Вероятно, здесь изображена мать близнецов как особое лицо, контактирующее с миром духов. На безрукавке работы З.Н. Бельды из фондов музея с. Троицкое вышиты личины духов, трактуемые как обереги. На панно из с. Сикачи-Алян в технике аппликации из рыбьей кожи вырезана фигура шаманки в халате, с бубном и колотушкой в руке в процессе камлания. Камлающая шаманка изображена и на картине современной мастерицы Е.А. Киле, хранящийся в музее с. Джари. Интересна еще одна ее картина с изображением трех солнц и парных драконов между ними. По сторонам этой композиции расположен личины духов, как бы охраняющих их. Сюжет этой картины навеян мифом о трех солнцах и стрелке Кадо, распространенным у нанайцев и других народов Амура.

Особый колорит имеет современная картина из культурного центра с. Сикачи-Алян, на которой изображен сидящий между двумя деревьями медведь. На стволе одного из деревьев помещены изображения личин-масок. Шаманские деревья играли важную роль в становлении шаманов. Не случайно современная мастерица поместила личины-маски, связанные с шаманством и ритуалами инициации, именно на древесный ствол: вероятно, они воспринимались как предки шамана. Образ медведя рядом с деревом жизни и шаманским деревом также не случаен. Согласно шаманской мифологии, медведь являлся хозяином древа жизни и, одновременно, воспринимался как муж хозяйки плодородия. В то же время медведь ассоциировался с нижним миром. Его изображение в ромбе имелось на литых бронзовых бляшках шаманских костюмов эвенков (РЭМ, кол. 8762-19194). Также медведь изображен как дух подземного мира на магическом костяном кольце для стрельбы из лука у нанайского охотника [28, с. 35–36].

Рис. 6. Нагрудник с изображением личины шаманского духа. Рыбья кожа.
Работа сына В.В. Бельды, с. Джари, Нанайский р-н Хабаровского края. Фото Т.Ю. Сем

Заключение

Таким образом, современная орнаментика нанайцев отражает ценностные характеристики культуры этого народа и сохраняет значимые семантические представления о природе, космосе и человеке. Осмысление традиций в современном орнаментальном творчестве нанайцев подчеркивает передачу из поколения в поколение исторической памяти, восприятие орнаментальных мотивов как сюжетов, связанных с мифологией, космогонией, шаманизмом, ритуальными танцами. Наличие в орнаменте на современных изделиях нанайцев зооморфных, растительных и антропоморфных мотивов свидетельствует о сохранении знаково-символических образов традиционной культуры в памяти современных мастериц. Речь идет прежде всего о таких образах, как родовое древо, мифологический брак женщины и зверя (тигра, медведя, волка, дракона), служащий оберегом змее-дракон, шаманские духи-помощники и т.д. Прослеживается сохранение иконографии антропоморфных образов богинь-прародительниц, которые, однако, уже не воспринимаются как сакральные. Мужские и женские образы пляшущих в круговом танце человечков сохранили иконографию, но утратили свою семантику. Отмечается также наличие восточноазиатских образов, таких как змея и черепаха, символизирующие оппозицию неба и земли, мужского и женского начал природы, а также изображения зародышей в форме восточноазиатских бусин-магатама. Наряду с этим имеются и некоторые незначительные инновации, возникшие под влиянием русской культуры. В современных картинах заметны новые модернистские веяния (использование аппликаций из рыбьей кожи, композиции в виде триптихов, новое прочтение традиционных образов и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкие сказки и мифы. Новосибирск: Наука, 1966.
2. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
3. Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы // Арсеньев В.К. Сочинения: в 6-ти т. Т. 5. Владивосток: Примиздат, 1948. С. 137–209.

5. Березницкий С.В. Современное декоративно-прикладное и сценическое искусство коренных народов Амура и Сахалина как компоненты этнокультурной идентичности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 2. С. 55–68.
6. Березницкий С.В. Традициям предков верны: влияние мировых религий на мировоззрение аборигенов Дальнего Востока // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 53–61.
7. Березницкий С.В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003.
8. Гонтмахер П.Я. Нанайцы. Этюды о духовной культуре. Хабаровск: ХГПУ, 1996.
9. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когуресцы: к этнической истории корейцев. М.: Наука, 1972.
10. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
11. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
12. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX вв.: проблемы этнических традиций. СПб.: Наука, 1995.
13. Кубанова Т.А. Ритуальная скульптура нанайцев: каталог. Комсомольск-на-Амуре, 1992.
14. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922.
15. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984.
16. Островский А.Б., Сем Т.Ю. Коды коммуникации с богами: мифология и ритуальная пластика айнов. СПб.: Нестор-История, 2019.
17. Пассар Л. Легенды о происхождении нанайских родов // Северные просторы. 1989. № 2. С. 19–20.
18. Росугбу И.А. К вопросу о семантике ульчской игровой куклы // Фольклор и этнография народов Севера: межвузовский сборник научных трудов. Якутск: Северовед, 1998. С. 54–59.
19. Сем Л.И., Сем Ю.А. Мифы, сказки и предания нанайцев (гольдов, хэчжэ). СПб.: РГПУ им А.И. Герцена, 2020.
20. Сем Т.Ю. К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков). Ч. 1. Основные мотивы криволинейного и гео-

метрического узора // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 37–56.

21. Сем Т.Ю. К вопросу об этнокультурных связях и семантике орнамента уйльта (ороков). Ч. 2. Зооморфные и антропоморфные мотивы // Россия и АТР. 2019. № 4. С. 144–163.

22. Сем Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филфак СПбГУ, 2015.

23. Сем Т.Ю. Коллекции Ю.А. Сема и Л.И. Сем в собрании Российского этнографического музея // Музей. Традиции. Этничность. 2012. № 2. С. 135–143.

24. Сем Т.Ю. Коммуникация с природой в удэгейском орнаменте на берестяных коробках из коллекции Российского этнографического музея: символика образов // Homo Eurasicus в системах социальных и культурных коммуникаций. СПб., 2020. С. 56–70.

25. Сем Т.Ю. Мифология в орнаментике ороочнов: символика и семантика образов // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С. 41–50.

26. Сем Т.Ю. Образы богов плодородия в орнаментах на праздничной одежде нанайцев // Орнаментика в артефактах традиционных культур: материалы XV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. С. 210–216.

27. Сем Ю.А. Историческая этнография нанайцев: родовая организация и ее трансформация (по материалам XIX – начала XX в.). СПб.: Контраст, 2018.

28. Сем Ю.А. Пэрхи // Северные просторы. 1992. № 1–2. С. 35–36.

29. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1975.

30. Старцев А.Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017.

31. Тарвид Л.П. Женское искусство народов Приамурья. Эволюция в контексте мифологии: дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 2004.

32. Чадаева А.Я. Национальная игрушка: очерки о древних предках детской игрушки народностей Чукотки и Приамурья. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1986.

33. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края: в 3-х т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1883–1903.

34. Штернберг Л.Я. Гиляки, ороочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

35. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965.

36. Bereznitsky, S.V., 2023. The energy of ornament of indigenous peoples of the North. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 16, no. 7, pp. 1197–1207.

37. Munro, N.G., 1963. Ainu. Creed and cult. New York: Columbia University Press.

38. Laufer, B., 1902. The decorative art of the Amur tribes. Memoirs of American Museum of Natural History. Vol. 7. New York.

REFERENCES

1. Avrorin, V.A. and Lebedeva, E.P., 1966. Orochskie skazki i mify [Oroch tales and myths]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

2. Avrorin, V.A. and Lebedeva, E.P., 1978. Orochskie teksty i slovar' [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Anisimov, A.F., 1958. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovanii [Religion of the Evenks: historical-genetic study and the problem of the origin of primitive beliefs]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

4. Arseniev, V.K., 1948. Lesnye lyudi udekheitsy [Forest people Udege]. In: Arseniev, V.K., 1948. Sochineniya: v 6-ti t. T. 5. Vladivostok: Primizdat, pp. 137–209. (in Russ.)

5. Bereznitskii, S.V., 2023. Sovremennoe dekorativno-prikladnoe i stsenicheskoe iskusstvo korennykh narodov Amura i Sakhalina kak komponenty etnokul'turnoi identichnosti [Modern decorative arts and stagecraft of the Amur and Sakhalin indigenous peoples as components of ethnocultural identity], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 55–68. (in Russ.)

6. Bereznitskii, S.V., 1996. Traditsiyam predkov verno: vliyanie mirovykh religii na mirovozzrenie aborigenov Dal'nego Vostoka [True to the traditions of the ancestors: the influence of world religions on the worldview of the natives of the Russian Far East], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 53–61. (in Russ.)

7. Bereznitskii, S.V., 2003. Etnicheskie komponenty verovanii i ritualov korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona [Ethnic components of the beliefs and rituals of the indigenous peoples in the Amur-Sakhalin region]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

8. Gontmakher, P.Ya., 1996. Nanaity. Etyudy o dukhovnoi kul'ture [Nanai people. Essays on spiritual culture]. Khabarovsk: KhGPU. (in Russ.)

9. Dzharylgasimova, R.Sh., 1972. Drevnie koguresty: k etnicheskoi istorii koreitsev [The people of Ancient Koguryo: towards an ethnic history of the Koreans]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
10. Ivanov, S.V., 1954. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [Materials on the figurative art of the peoples of Siberia of the XIXth to the beginning of the XXth centuries]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)
11. Ivanov, S.V., 1963. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik [The ornaments of the peoples of Siberia as a historical source]. Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)
12. Kocheshkov, N.V., 1995. Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina XIX–XX vv.: problemy etnicheskikh traditsii [Decorative art of XIXth–XXth century Lower Amur and Sakhalin peoples: problems of ethnic traditions]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
13. Kubanova, T.A., 1992. Ritual'naya skul'ptura nanaitsev: katalog [Ritual sculpture of Nanai people: a catalog]. Komsomolsk-on-Amur. (in Russ.)
14. Lopatin, I.A., 1922. Gol'dy amurskie, ussuriiskie i sungariiskie: opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Golds of Amur, Ussuri, and Sungari regions]. Vladivostok. (in Russ.)
15. Mazin, A.I., 1984. Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX vv.) [Traditional beliefs and customs of the Evenks (late XIXth and early XXth centuries)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)
16. Ostrovskii, A.B. and Sem, T.Yu., 2019. Kody kommunikatsii s bogami: mifologiya i ritual'naya plastika ainov [Codes of communication with the gods: mythology and ritual objects of the Ainu]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya. (in Russ.)
17. Passar, L., 1989. Legendy o proiskhozhdenii nanaiskikh rodov [Legends about the origin of the Nanai clans], Severnye prostory, no. 2, pp. 19–20. (in Russ.)
18. Rosugbu, I.A., 1998. K voprosu o semantike ul'chskoi igrovoi kukly [On the issue of the semantics of the Ulch toy dolls]. In: Fol'klor i etnografiya narodov Severa: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Yakutsk: Severoved, 1998, pp. 54–59. (in Russ.)
19. Sem, L.I. and Sem, Yu.A., 2020. Mify, skazki i predaniya nanaitsev [Myths, tales and legends of Nanai people]. Sankt-Peterburg: RGPU im. A.I. Gertsena. (in Russ.)
20. Sem, T.Yu., 2018. K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh i semantike ornamenta uil'ta (orokov). Ch. 1. Osnovnye motivy krivolineinogo i geometricheskogo uzora [On the issue of ethnocultural ties and semantics of the ornament of Uilta people. Part 1. The main motifs of curved and geometric pattern], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 37–56. (in Russ.)
21. Sem, T.Yu., 2019. K voprosu ob etnokul'turnykh svyazyakh i semantike ornamenta uil'ta (orokov). Ch. 2. Zoomorfnye i antropomorfnye motivy [On the issue of ethnocultural ties and semantics of the ornament of Uilta people. Part 2. Zoomorphic and anthropomorphic motifs], Rossiya i ATR., no. 4, pp. 144–163. (in Russ.)
22. Sem, T.Yu., 2015. Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi). Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Tungus picture of the world: the pantheon (semantics of images and ethnocultural connections). Essays in history and ethnography]. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (in Russ.)
23. Sem, T.Yu., 2012. Kollektzii Yu.A. Sema i L.I. Sem v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [Collections of Yu.A. Sem and L.I. Sem in the Russian Ethnographic Museum], Muzei. Traditsii. Etnichnost', no. 2, pp. 135–143. (in Russ.)
24. Sem, T.Yu., 2020. Kommunikatsiya s prirodoy v udegeiskom ornamente na berestyanykh korobkakh iz kollekszii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeia: simbolika obrazov [Communication with nature in the Udege ornament on birch bark boxes from the Russian Ethnographic Museum: symbolism of images]. In: Homo Eurasicus v sistemakh sotsial'nykh i kul'turnykh kommunikatsii. Sankt-Peterburg, 2020, pp. 56–70. (in Russ.)
25. Sem, T.Yu., 2020. Mifologiya v ornamentike orochonov: simbolika i semantika obrazov [Mythology in the ornaments of the Oroqens: symbolism and semantics of images], Traditsionnaya kul'tura, Vol. 21, no. 2, pp. 41–50. (in Russ.)
26. Sem, T.Yu., 2016. Obrazy bogov plodorodiya v ornamentakh na prazdnichnoi odezhde nanaitsev [Images of fertility gods in the ornaments on festive clothes of Nanai people]. In: Ornamentika v artefaktakh traditsionnykh kul'tur: materialy XV Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii. Sankt-Peterburg: IPTs SPGUTD, 2016, pp. 210–216. (in Russ.)

27. Сем, Ю.А., 2018. Istoricheskaya etnografiya nanaitsev: rodovaya organizatsiya i ee transformatsiya (po materialam XIX – nachala XX v.) [Historical ethnography of the Nanai people: tribal organization and its transformation (based on the materials of the XIXth and early XXth centuries)]. Sankt-Peterburg: Kontrast. (in Russ.)
28. Сем, Ю.А., 1992. Perkhii [Perkhi], Severnye prostory, no. 1–2, pp. 35–36. (in Russ.)
29. Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: v 2-kh t. T. 1 [A comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: in 2 volumes. Vol. 1]. Leningrad: Nauka, 1975. (in Russ.)
30. Startsev, A.F., 2017. Etnicheskie predstavleniya tunguso-man'chzhurov o prirode i obshchestve [Ethnic views of the Tungus-Manchu ethnic groups on the nature and society]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)
31. Tarvid, L.P., 2004. Zhenskoe iskusstvo narodov Priamur'ya. Evolyutsiya v kontekste mifologii [Women's art of the peoples of the Amur region. Evolution in the context of mythology], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)
32. Chadaeva, A., 1986. Natsional'naya igrushka: ocherki o drevnikh predkakh detskoi igrushki narodnosti Chukotki i Priamur'ya [National toy: essays on the ancient ancestors of children's toys of the peoples of Chukotka and the Amur region]. Khabarovsk: Khabarovskoe kn. izdvo. (in Russ.)
33. Shrenk, L.I., 1889–1903. Ob inorodtsakh Amurskogo kraia: v 3-kh t. [On the native ethnicities in the Amur Region: in 3 volumes]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (in Russ.)
34. Shternberg, L.Ya., 1933. Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy [The Gilyak, Orochi, Goldi, Negidal, Ainu: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz. (in Russ.)
35. Yuan Ke, 1965. Mify drevnego Kitaya [Myths of ancient China]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
36. Bereznitsky, S.V., 2023. The energy of ornament of indigenous peoples of the North. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, Vol. 16, no. 7, pp. 1197–1207.
37. Munro, N.G., 1963. Ainu. Creed and cult. New York: Columbia University Press.
38. Laufer, B., 1902. The decorative art of the Amur tribes. Memoirs of American Museum of Natural History. Vol. 7. New York.